

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.024-037

ГЕРОИЧЕСКИЙ МИФ МЕМОРИАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Скоробогатов Андрей Валерьевич,

профессор кафедры теории государства и права
и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета
имени В.Г. Тимирязова, доктор исторических наук, доцент
420101, Россия, г. Казань, Московская ул., д. 42
av.skorobogatov@mail.ru

© Скоробогатов А. В., 2026

Аннотация. В статье представлена авторская концепция роли героического мифа мемориального законодательства в конструировании фреймов исторической памяти в России. На основе комплексного философско-правового исследования российского законодательства сделан вывод, что нормативно выраженный героический миф имеет дихотомичную правовую природу. С одной стороны, он эксплицирует коллективные представления о героическом прошлом; с другой стороны, он призван сконструировать фреймы исторической памяти, необходимые для поддержания гражданской идентичности и национальной безопасности. Поэтому большое внимание уделяется принципам отбора мемориализуемых исторических личностей, детерминированным ценностными установками политической элиты, внешним выражением которых являются акты стратегического планирования. Исторический мартиролог понимается автором как перечень номинированных в тексте законов о памяти ключевых исторических личностях, являющихся объектами коммеморации и глорификации. Включению в него подлежат лишь лица, которые совершили воинский и (или) трудовой подвиг ради интересов всего общества. Однако мемориализации подлежат не только номинированные личности, но и социальные группы, действия которых носили героический характер и повлияли на обеспечение национальной безопасности в прошлом. Включение имени исторической личности или неперсонифицированного мнемонического номинатива в текст нормативного правового акта выполняет ряд взаимосвязанных функций: мемориализация исторической личности, конституирование образа исторической личности, конструирование пространства памяти, воспитательная, организаторская функции, поддержание гражданской идентичности, обеспечение национальной безопасности. Автор на примерах доказывает, что эксплицированный в мемориальном законодательстве героический миф имеет большое значение для поддержания национальной безопасности и гражданской идентичности в России.

Ключевые слова: мемориальное законодательство; правовой миф; героический миф; историческая личность; аксиология права; исторический мартиролог

THE HEROIC MYTH OF COMMEMORATIVE LEGISLATION

Andrey V. Skorobogatov,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines; Kazan Innovation University named

after V. G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation

av.skorobogatov@mail.ru

Abstract. *The paper presents the author's conception of the role of the heroic myth of commemorative legislation in constructing frames of historical memory in Russia. On the basis of a comprehensive philosophical and legal study of Russian legislation, the author concludes that the normatively articulated heroic myth has a dichotomous legal nature. On the one hand, it makes explicit collective representations of the heroic past. On the other hand, it is intended to construct frames of historical memory necessary to sustain civic identity and national security. Accordingly, considerable attention is devoted to the principles governing the selection of historical figures to be memorialized, which are determined by the value orientations of the political elite, the external manifestation of which is found in strategic planning acts. Inclusion in the historical martyrology, understood by the author as the list of key historical figures identified in the text of commemorative laws as objects of commemoration and glorification, is limited to persons who performed a military and/or labor feat in the interests of society as a whole. At the same time, memorialization extends not only to specifically named individuals but also to certain social groups whose actions were heroic in character and contributed to the protection of national security in the past. The inclusion of the name of a historical figure or of a non-personified mnemonic nominative in the text of a normative legal act performs a number of interrelated functions: memorialization of the historical figure, constitution of the image of the historical figure, construction of a space of memory, educational and organizational functions, maintenance of civic identity, and the safeguarding of national security. Through specific examples, the author demonstrates that the heroic myth articulated in memorial legislation is of great significance for maintaining national security and civic identity in Russia.*

Keywords: *commemorative legislation; legal myth; heroic myth; historical personality; axiology of law; historical martyrology*

Развитие современной России, особенно после конституционных новелл 2020 г., характеризуется усилением ценностного начала всех сторон социальной жизни. Одним из направлений аксиологизации стало нормативное закрепление значения традиционных духовно-нравственных ценностей в поддержании национальной безопасности. Особое место в этом процессе отводится исторической памяти как одной из традиционных ценностей. Хотя законодательный интерес к сохранению отдельных фреймов исторической памяти получил распространение еще с середины 1990-х гг., только принятые в последнее время Указы Президента РФ включили охрану исторической правды в общий контекст обеспечения национальной безопасности. Мемориализация всё больше приобретает системный характер. Государство выстраивает прошлые события в причинно-следственный ряд, который призван показать его преемственность с предшествующими формами социального бытия. Прежде всего речь идет об освоении и последующем использовании героического наследия предков. Обращение именно к славному прошлому необходимо для оправдания существования государства и нации и извлечения положительного опыта из прошлого.

Активную роль в этом процессе играет законодательство, не только конструирующее официальный исторический нарратив, но и воздействующее на содержание, трансляцию, интерпретацию и репрезентацию информации о ключевых исторических фактах в обществе. Опираясь на социальные представления о прошлом,

государство правовыми средствами конструирует фреймы исторической памяти, стремясь включить в них те образы, которые способны воздействовать на формирование патриотического сознания и поведения не только российских граждан, но и всего русского мира. Эти фреймы не представляют собой лишь экспликацию исторического прошлого. Напротив, речь идет о создании социального конструкта, ориентированного на настоящее и будущее и призванного обеспечить поступательное развитие и эффективное функционирование российской цивилизации. Этот конструкт не обязательно должен представлять собой рациональное видение истории и социального опыта предков. Он может носить мифологический характер, отражая эстетические представления общества о справедливости¹. Благодаря мифологичности, социальные конструкты имеют большую степень воздействия на сознание и поведение человека, поскольку ориентируются не только на рациональное восприятие исторического знания, но и на эмоциональную рефлексию представлений о прошлом, бытующих в определенном социуме и транслируемых неопитам в процессе социализации.

Важнейшим направлением социального конструирования фреймов исторической памяти является создание и нормативное закрепление эталонов правомерного поведения, в качестве которых выступают действия исторических личностей. Культ предков и сакрализация героических побед имеют существенное значение для формирования патриотизма как ценностной основы национальной безопасности, поскольку именно на них основывается общественное убеждение в величии своего государства и нации. Глорификация прошлого также оправдывает стремление сохранить или возродить такое состояние в будущем. Даже память о трагическом прошлом может иметь не виктимный характер, а героическо-патриотический, если речь идет о жертве как подвиге во имя общества².

Национальная идея, в которой инструментально вспоминаются выдающиеся деятели прошлого, приобрела в России черты гражданской религии. Важнейшими элементами этой религии являются использование символов и ритуалов в коммеморативных практиках, порядок осуществления которых урегулирован нормативно, и законодательное признание традиционных ценностей в качестве основы конституционной идентичности. В наибольшей степени эта идея эксплицирована в категории патриотизма, который основан на архетипах соборности и этатизма и традиционно является интегральным компонентом социального развития России. В прошлом идея гражданской религии находила свое выражение в институциональной и персональной сакрализации правителя³. В современном российском обществе сакрализации прежде всего подвергаются места, события и герои, которые связаны с Великой Отечественной войной, хотя это и не является константой. В указах Президента РФ мемориального характера можно встретить упоминания лиц, подвиги которых связаны с другими периодами в истории нашей страны. Однако действия всех этих лиц объединяет их значимость для обеспечения национальной безопасности и поддержания конституционной идентичности.

Нормативно зафиксированное имя исторической личности одновременно выполняет функцию знака и обозначения, поскольку служит для напоминания о человеке посредством обращения к его деятельности и пространственно-временному континууму, в пределах которого происходила жизнь этого лица. Однако такой знак ориентирован не только на рациональное, но и на эмоциональное восприятие. В этом смысле государство, включаясь в процесс исторической номинации, хотя и опирается на историческую память общества, но выступает активным субъектом правовой коммуникации, обращаясь в законодательстве к именам тех исторических

¹ Исаев И. А. Мифологемы закона: право и литература. М. : Проспект, 2016. С. 3.

² Трофимова А. В. Общечеловеческая и историческая семантика подвига // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. С. 50.

³ Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог: семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблема переводимости. М. : Наука, 1987. С. 47–153.

личностей, которые отвечают интенциональности ценностных ориентаций политической элиты.

Образ исторического лица составляет основу процесса интерсубъективной коммуникации, поскольку делает возможным диалог, который может вестись разнонаправленно: горизонтально и вертикально, синхронно и асинхронно. Во-первых, наличие в синхронной коммуникации исторических примеров, воспринимаемых с позиций авторитета предков, придает позиции одной из сторон большую степень аргументированности и позволяет обеспечить взаимодействию вертикальный характер. Во-вторых, обращаясь к жизни и деятельности исторической личности и воспринимая их в качестве эталона правомерного поведения, индивид тем самым ведет незримый диалог с прошлым, вводя его в настоящее не только в качестве символа, но и как реальность. Благодаря законодательно закрепленным фреймам исторической памяти, историческая личность приобретает подобие посмертной жизни. В-третьих, благодаря включению исторического имени в текст закона диалог с прошлым не только формализуется и приобретает характер вертикальной коммуникации, но и становится ценностной основой конструирования официального и социального исторического нарратива. В-четвертых, перформативный характер коммеморативных практик делает диалог с прошлым не только вербальным, но и визуально-искусственным средством трансформации социальной реальности.

Целью законодательной мемориализации является не столько сохранение памяти о жизни и деятельности реального человека, сколько создание идеального образа, который может быть в последующем использован в качестве эталона правомерного поведения. При этом потенциально каждый гражданин имеет право принять участие в процессе мемориализации, что особенно широко проявляется в условиях расширения цифровизации социальной реальности. Формализация результатов социальной мемориализации в законодательстве обеспечивает создание особого механизма трансляции мнемонической информации и обеспечивает устойчивую связь государства и общества ретроспективными средствами. Тем самым обеспечивается легитимность мемориальной политики государства⁴ как в целом, так и относительно отдельных исторических лиц, подлежащих коммеморации и глорификации. Особенно это касается юбилейных указов Президента РФ, в которых, с одной стороны, подчеркивается вклад конкретной личности в историю российского общества, культуры или государства, а с другой — это эксплицирует признание государством вклада в историю лиц, сохранившихся в памяти общества. Так, в Указе Президента РФ «О праздновании 250-летия со дня рождения Н. М. Карамзина»⁵ не только демаркирована интенциональность интерпретации его деятельности путем указания его статуса в коллективной памяти как писателя и историка и выдающегося вклада в отечественную культуру, но и определены направления участия органов публичной власти в коммеморативных мероприятиях. Последнее призвано подчеркнуть соучастие публичной власти не только в сохранении исторической информации, но и в ее репрезентации.

Объектом законодательной мемориализации выступает не сама историческая личность, а ее образ. При этом речь идет не только о номинации объектов мемориализации, но и об определении форм их коммеморации и глорификации. Восприятие этих лиц в качестве ключевых исторических фигур, происходящее в сознании индивида и общества, выступает частью процесса конституционной идентификации. Как правило, в тексте нормативных правовых актов дается лишь краткая информация о мемориализуемом лице, включающая дату его рождения, полную номинацию и в обобщенном виде его вклад в развитие не только российской, но и мировой цивилизации. Во-первых, этой информации достаточно для демаркации места исторической личности в коллективной памяти. Во-вторых, поскольку процесс законодательной

⁴ Галицкая К. А. Политика национальной памяти как технология легитимации власти // Дискурс-Пи. 2021. № 1 (42). С. 48–61.

⁵ Указ Президента РФ от 23.08.2010 № 1052 «О праздновании 250-летия со дня рождения Н. М. Карамзина» // СЗ РФ. 2010. № 35. Ст. 4546.

мемориализации эксплицирует социальное конструирование исторической памяти, то он не только опирается на информацию и оценку исторической личности в социальной среде, но и может рассматриваться в качестве аллюзии на фольклорные и литературные источники, посвященные жизни и деятельности этой фигуры, бытующие в обществе.

Выбор лиц, подлежащих мемориализации и коммеморации в значительной степени детерминирован политическим курсом и ценностными ориентациями политической элиты, и может служить не только о напоминании или воспоминании об отдельных исторических личностях. Включение исторической фигуры в публичное пространство выступает как знаком ее признания и вознаграждения, так и признанием этого образа в формировании конституционной идентичности и национальной безопасности. При этом происходит отказ от профанной сущности мемориализуемой фигуры, ее переход на сакральный уровень. Формализация личности и деятельности индивида в мемориальном законодательстве дистанцирует его фигуру от социальной реальности и придает ей трансцендентный характер, позволяющий использовать ее не только номинально, но символически.

В силу господствующего в России патриотического мнемонического правового режима номинации в законодательстве подлежат прежде всего лица, деятельность которых может выступать эталоном, что обуславливает преимущественно глорификационный характер их коммеморации. Выбор объектов мемориализации может определяться как биографическими, так и просопографическими аргументами.

В первом случае объект носит номинированный характер. Точно обозначается информация о его личности и личном вкладе в развитие и функционирование государства, общества и культуры. Например, в Указе Президента РФ от 23.06.2014 № 448 «О праздновании 800-летия со дня рождения князя Александра Невского» отмечены его особые заслуги в укреплении единства российского народа и значение его личности для сохранения военно-исторического и культурного наследия.

Во втором случае речь идет о неперсонализированном объекте, представляющем собой совокупность лиц, обладающих одним правовым статусом, деяния которых в равной степени подлежат коммеморации. Поминовению при этом подлежат как отдельные лица, входящие в группу, так и вся номинальная группа. Так, предусмотренный законодательством почетный караул у могилы Неизвестного солдата является элементом коммеморации как отдельных военнослужащих, погибших при защите Родины, в том числе тех, чье имя осталось неизвестным, так и всех лиц, обладавших правовым статусом военнослужащих, которые погибли в период Великой Отечественной войны. Однако главным при их коммеморации является не факт их гибели, не их личность, а совершенный ими подвиг, жертва во имя интересов общества и государства⁶ как нравственный императив российской цивилизации.

Жизнь и деяния этих лиц не только становятся частью образа прошлого, но и выступают в качестве образца правового поведения, воспроизводство которого гарантирует современному человеку правомерность его деяний. Хотя в мемориальном законодательстве биографии мемориализованных лиц не раскрываются, существует корреляция между мнемоническим дискурсом и дисциплиной «История России», которая является обязательной в системе высшего образования и социализации российских граждан и конкретизирует нормативные положения мемориального характера, в том числе касающиеся биографий мемориализованных лиц.

Транслируя историческую информацию, законодательство ретроспективными средствами обеспечивает легитимность правящего режима и эффективность его взаимодействия с обществом. Примером может служить присвоение почетных имен российским аэропортам⁷, которое стало результатом Общенационального конкурса «Великие имена России», проводившегося по инициативе Русского географического

⁶ О культе «неизвестного солдата» см.: *Inglis K. S. Entombing Unknown Soldiers: From London and Paris to Baghdad // History and Memory. 1993. Vol. 5. No. 2. P. 7–31.*

⁷ Указ Президента РФ от 31.05.2019 № 246 «О присвоении аэропортам имен лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством» // СЗ РФ. 2019. № 22. Ст. 2796.

общества, Общества русской словесности, Российского исторического общества и Российского военно-исторического общества, поддержанной Общественной Палатой РФ⁸.

Несмотря на то что законодательная мемориализация носит ситуативный характер и отсутствует единый нормативный правовой акт, содержащий перечень всех лиц, подлежащих коммеморации, рассмотрение мемориального законодательства в качестве интертекста позволяет реконструировать и систематизировать такой список в исследовательских целях. Для обозначения такого списка ключевых исторических личностей, включенных в текст законов о памяти и в силу этого подлежащих коммеморации и глорификации, мы предлагаем использовать термин «исторический мартиролог».

Исторический мартиролог можно рассматривать как специфичную форму календаря⁹. Однако если классический календарь представляет собой последовательное изложение событий, в том числе имеющих исторический характер, то мартиролог представляет собой запись имен определенных исторических личностей, хотя и помещенных в определенное пространство и время. При этом не обязательно соблюдается хронологический принцип. Важнее не точная дата жизни и (или) деяний человека, а его включенность в историческую реальность и значимость для потомков. В этом смысле образ исторической личности, эксплицированный в исторической памяти и мемориальном законодательстве, является не попыткой реконструкции жизни и деятельности реального человека, а социальным конструктом, соответствующим ценностным ориентациям не самого объекта мемориализации, а последующих поколений, которые интерпретируют его деяния с целью формирования поведенческого и (или) ментального эталона¹⁰.

При использовании хронологического принципа конструирования мартиролога поминовение исторической личности включается в ежегодный календарный цикл. Речь может идти как о праздновании дня рождения конкретной фигуры, что практически не используется в тексте нормативных правовых актов, так и об установлении памятных дат профессиональных праздников, которые связаны не только с определенными историческими событиями, но и личностями, которые символизируют данную сферу профессиональной деятельности. Так, установление Дня шахтера в СССР в последнее воскресенье августа¹¹ создает аллюзию с трудовым подвигом А. Г. Стаханова, который был совершен 31 августа 1935 г. При обращении к темпоральным средствам поминовения главным является сам факт существования исторической личности и его включенности в национальный мнемонический календарь. Мемориализуемая фигура является настолько исторически значимой, что ее упоминание носит реминисцентный характер с образом исторической личности в коллективной памяти. Так, использование в Указе Президента РФ «О праздновании 800-летия со дня рождения князя Александра Невского» эпитета «государственный деятель и полководец» наделяет эту фигуру архетипическими чертами героя-защитника Отечества, человека, находящегося на государственной службе, внесшего своей деятельностью большой вклад в укрепление единства российского народа, отсылающими к фольклорным и литературным аллюзиям. Это обусловило, что издание указа продиктовано не только предстоящим юбилеем и значением его личности в

⁸ Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б. Историческая самоидентификация России: этапы становления и современные функции // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 2. С. 142.

⁹ Подробнее о календарной традиции российского народа и использовании в ней исторических имен см.: Мороз А. Б. Народный календарь и квазиагиография // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 59–66.

¹⁰ Подлесная М. А., Шевченко О. К., Ильина И. В. Герои и героизм как репрезентации коллективной памяти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2023. Т. 23. № 3. С. 507.

¹¹ Указ Президиума ВС СССР от 01.10.1980 № 3018-Х «О праздничных и памятных днях» // Ведомости ВС СССР. 1980. № 41. Ст. 846. (Утратил силу).

истории, но и необходимостью «сохранения военно-исторического и культурного наследия», которое он собой олицетворяет.

Отбор мемориализуемых исторических личностей не является универсальным и, как правило, носит, идеологический характер, находясь в зависимости от политического курса и официального исторического нарратива, а также от соответствия жизни и деятельности этих фигур системе ценностей общества, с которым они себя идентифицировали и которое осуществляет их мемориализацию. Поскольку в разных социумах одни и те же лица могут вызывать совершенно различные эмоции, обусловленные социокультурными коннотациями¹², то включение имени исторической личности в исторический мартиролог опосредовано исключительно национальными интересами. Так, обозначение А. В. Суворова в Указе Президента РФ «О праздновании 300-летия со дня рождения А. В. Суворова» как легендарного полководца противоречит его образу в польском и украинском историческом нарративе, где он позиционируется как «завоеватель, подавивший восстание Т. Костюшки и приказавший уничтожить множество мирных жителей»¹³. Однако последнее, независимо от степени его мифологичности, не является значимым фактором для конструирования российской гражданской идентичности и, напротив, может служить дезинтеграционным фактором, что обуславливает не только невключение этого факта в мартиролог, но и борьбу с ним как с контрнарративом в коммеморативных практиках¹⁴.

Начиная с первых мемориальных законов, принятых еще в середине 1990-х гг., мемориализация исторических фигур носит контекстуальный характер. Мемориализуемая личность либо связывается с определенными ключевыми историческими событиями, либо характеризуется через вклад в историю и культуру нашей страны. Так, в Федеральном законе «О днях воинской славы и памятных датах России»¹⁵ в контексте побед над внешним врагом указаны имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Петра Первого, А. В. Суворова, Ф. Ф. Ушакова, М. И. Кутузова, П. С. Нахимова, т.е. лиц, которые навсегда вошли в историческую память народа. Главным при этом является именно их воинский героизм, проявляющий их патриотическую ориентацию и значимость их деятельности для сохранения экзистенциальной целостности российской цивилизации¹⁶.

Герой выступает лиминальной фигурой, символизируя переход человека с обычного уровня на сакральный. Обычный человек в результате подвига приобретает черты «бессмертия». Благодаря символической репрезентации этих фигур, зачастую включающей элементы мифологии, социум определяет свое место в пространстве и во времени¹⁷. При этом важна не личность человека, а совершенные им деяния, которые и подлежат коммеморации и воспроизведению. Ярким примером подобного отношения к памяти героев может служить почетный караул у могилы Неизвестного

¹² *Тохириен А. Ш.* Интерпретация формирования исторической памяти в образе исторической личности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2022. № 11. С. 37. DOI: 10.37882/2223-2982.2022.11.32.

¹³ *Гронский А.* Историческая политика Украины и Белоруссии и формирование образа русского полководца Александра Суворова в 2014–2020 годах // Национални интерес = National Interest. 2022. XVII. Vol. 43. С. 156–159.

¹⁴ *Богданов А. П.* Польская кампания А. В. Суворова 1794 г.: правда и мифы // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 6. С. 188–214.

¹⁵ Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «О днях воинской славы и памятных датах России» // СЗ РФ. 1995. № 11. Ст. 943.

¹⁶ Именно экзистенциальный характер памяти об этих лицах подчеркивается в том, что часть из них канонизирована Русской православной церковью.

¹⁷ *Giesen B.* Triumph and Trauma. London ; New York : Routledge, 2004. P. 6. DOI: 10.4324/9781315631455.

солдата в Александровском саду в Москве, который законодательно включен в коммеморативный контекст¹⁸.

Законодательство при этом выступает нормативной системой, которая не только эксплицирует фреймы коллективной памяти, но и артикулирует формальные критерии коммеморации исторической личности. Однако, наряду с коммеморацией для российской ментальности и мемориального законодательства, характерна глорификация. Последнее, в частности, детерминирует использование имен исторических личностей в ономастической и наградной деятельности государства. Примером первой тенденции могут служить Указы Президента РФ о присвоении почетных имен российским аэропортам¹⁹. Номинация в этой ситуации, наряду с коммеморацией, позволяет интегрировать память об имени в рутину повседневной жизни²⁰. Нормативно осуществленная ойконимизация при этом воспроизводит властные структуры и идеологические программы в публичном пространстве²¹ и выполняет не только ретроспективную функцию, но и обеспечивает ценностное единство общества и государства как важнейший элемент национальной безопасности. В качестве реализации второй тенденции можно обозначить установление наград, носящих имя исторической личности (например, Ордена Суворова, Ушакова, Жукова и т.д.)²². При этом не только осуществляется глорификация исторических лиц, но и обеспечивается чувство сопричастности с их деятельностью награждаемых.

Однако в отличие от зарубежных трактовок героизма в России коммеморации подлежат не только воинский, но и трудовой подвиг, который также является социально активным видом правомерного поведения и подлежит воспроизводству в действиях граждан как эталон. В то же время трудовой героизм в общественном сознании не воспринимается как уникальное явление — это то, на что способен каждый человек²³. Совершенно не случайна при этом коннотация с трудовым подвигом советского народа в период Великой Отечественной войны, которая призвана формировать аллюзию на массовый характер трудового подвига как гражданского достоинства человека, проявление его патриотизма. Именно этим обусловлено введение почетного звания «Город трудовой доблести»²⁴. Для современной социальной реальности важнее не сам факт трудового подвига, а возможность использования памяти о нем в патриотическом воспитании²⁵.

¹⁸ Указ Президента РФ от 08.12.1997 № 1277 «Об установлении постоянного поста почетного караула в г. Москве у Вечного огня на могиле Неизвестного солдата» // СЗ РФ. 1997. № 50. Ст. 5679.

¹⁹ Указ Президента РФ от 27.03.2023 № 198 «О присвоении аэропорту Надым имени В.С. Черномырдина» // СЗ РФ. 2023. № 14. Ст. 2390.

²⁰ Подробнее о сущности и содержании номинативной мемориализации см.: Eco U. *Function and Sign: Semiotics of Architecture* // *The City and the Sign. An Introduction to Urban Semiotics* / Gottdiener M., Lagopoulos A. Ph. (eds.). New York : Columbia University Press, 1986. P. 54–86.

²¹ См.: *The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics and Place* / Rose-Redwood R., Alderman D. E., Azaryahu M. (eds.). London ; New York : Routledge, 2018.

²² Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 (ред. от 10.05.2024) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» (вместе с Положением о государственных наградах Российской Федерации...) // СЗ РФ. 2010. № 37. Ст. 4643.

²³ Серединская Л. А. Героика повседневности в современном обществе: героика труда и героика войны // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2-2(74). С. 221–224.

²⁴ Федеральный закон от 01.03.2020 № 41-ФЗ «О почетном звании Российской Федерации “Город трудовой доблести”» // СЗ РФ. 2020. № 9. Ст. 1133.

²⁵ Шатилович С. Н. Формирование патриотического сознания обучающихся на примерах трудового героизма женщин в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2020. № 1 (14). С. 32–36.

Включение имени исторической личности в текст нормативного правового акта выполняет ряд взаимосвязанных функций: 1) мемориализация исторической личности, 2) конституирование образа исторической личности, 3) конструирование пространства памяти, 4) воспитательная, 5) организаторская, 6) поддержание гражданской идентичности, 7) обеспечение национальной безопасности.

Во-первых, речь идет о включении в официальный исторический нарратив образа исторической личности и признание государством его заслуг для развития и функционирования общества и государства, что в определенной степени является не только элементом мемориальной глорификации и защитой его чести и достоинства, но и может выступать в качестве награды исторической личности, хотя и посмертной. В этом смысле включение имени исторической личности в официальный исторический нарратив призвано не только демаркировать интенциональность оценки его личности, но и выступить нормативным гарантом противодействия искажению и фальсификации памяти о его жизни и деятельности, что характерно для политики декоммунизации, получившей распространение в странах Восточной и Центральной Европы²⁶. Законодательство одновременно выступает формой мемориализации и коммеморации. С одной стороны, происходит юридикация фреймов памяти и вербальная визуализация исторического имени, позволяющая более широко использовать мемориализованное имя в юридических и социальных практиках. С другой стороны, включенное в текст нормативного правового акта имя выступает средством социального поминовения исторической личности. Обращаясь к мемориальному имени, индивид воспроизводит в сознании и (или) в поведении определенный фрейм памяти и социальную оценку исторической личности. В этом смысле мемориальное законодательство по степени воздействия на сознание человека сближается с героическим эпосом и мифами.

Во-вторых, происходит конституирование памяти о человеке, образ которого сохранился в коллективной памяти общества. Можно даже говорить об определенной сакрализации не только образа, но и личности, которую он эксплицирует. При этом конструируется политический миф²⁷, содержание которого детерминировано ценностными ориентациями социума и который имеет целью транслировать не только информацию об исторической личности, но и ее иконический образ, призванный вызывать ассоциации с деяниями данной фигуры. С одной стороны, это обеспечивает неперсонифицированную персонификацию эталона правомерного поведения, при которой деяния конкретного человека воспринимаются как выражение идеального поведенческого акта. Действия героя являются ритуальными, имеющими связь не только с социальной реальностью, но и сакральным миром. Воспроизводство этих действий гарантирует индивиду не только правомерность его поведения, но и приближение к сакральному универсуму. Дополнительным элементом конструирования образа героя являются СМИ и искусство, которые транслируют его деяния эстетическими средствами, трансформируя этот образ в артефакт²⁸. С другой стороны, включение героического мифа в текст закона призвано показать ценностное единство общества, которое сконструировало миф, и государства, которое придало этому мифу формальный, общеобязательный характер. Тем самым миф становится элементом не только социальной и политической, но и правовой коммуникации²⁹, призванным обеспечить позитивные последствия не только трансляции, но и перформативности информации об исторической личности.

²⁶ *Cembrzyńska P.* «Pomnik nie może upamiętniać...»: O dekomunizacji przestrzeni publicznej // *Historical Review = Przegląd Historyczny*. 2020. T. 111. № 1. S. 131–152.

²⁷ *Гугаур Д. И., Гуторов В. А.* Политический миф в структуре исторической памяти // *Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки*. 2017. № 2. С. 24–45.

²⁸ *Lethbridge S.* Aesthetics of Heroism // *Encyclopedia of Heroism Studies* / Allison S. T., Beggan J. K., Goethals G. R. (eds.) Cham : Springer, 2024. P. 21–26.

²⁹ *Fonseca Sandoval J. D.* Mitología jurídica en nuestra América: resignificar el discurso jurídico para un derecho intercultural // *Revista Razón Crítica*. 2020. No. 8. P. 79–112.

В-третьих, благодаря ойкуменизации происходит переконфигуризация не только социального и политического, но и физического пространства на новых концептуальных основаниях³⁰. При этом формируется специфичный ландшафт, который можно обозначить термином «пространство памяти», представляющий собой экспликацию мнемонической информации на определенной территории. Преимущественно ойкуменизации подлежат героические личности различных эпох³¹. Критерии пространственной мемориализации были указаны в Указе Президента РФ «О присвоении отдельным географическим объектам имен лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством»³²: наряду с лицами, совершившими военный подвиг, коммеморации и ойконимизации подлежат государственные и общественные деятели, представители науки, искусства, культуры, спорта и другие лица, имеющие «особые заслуги перед Отечеством» (п. «а» ст. 1). Будучи непосредственно связано с политическим курсом, присвоение географическому объекту нового имени имеет коннотативное значение и призвано эксплицитировать новую идею, транслировать мнемоническую информацию и (или) раскрыть ассоциативный образ данного места³³. Так, присвоение аэропорту Мурманска имени Николая II призвано восстановить историческую правду о значительной роли этого императора в создании данного города и обеспечении безопасности России в Арктике³⁴.

В-четвертых, исторический мартиролог призван транслировать неофитам в процессе социализации информацию о лицах, жизнь и деятельность которых эксплицитируют национальные ценности и в силу этого могут рассматриваться как эталон правомерного поведения. Репрезентация этой информации обеспечивает преемственность поколений и идентификацию неофита в социуме не формально, а функционально. Включение этой деятельности в правовой контекст способствует усилению персонификации прошлого и символизации лиц, его олицетворяющих. В этом смысле интенциональность мемориализации носит не только ретроспективный, но и проспективный характер. С одной стороны, происходит признание заслуг исторических личностей и создание механизма их коммеморации. С другой стороны, обеспечивается использование их образов для поддержания конституционной идентичности и обеспечения национальной безопасности в современном мире. Однако эффективность воздействия государства на сознание и поведение неофита определяется не столько принуждением, сколько их соответствием ценностной системе общества и включенностью в повседневные социальные практики³⁵.

В-пятых, мемориальное законодательство направлено на организацию коммеморативных мероприятий и вовлеченность в их осуществление не только граждан, но и органов публичной власти, которым рекомендовано принять участие в подготовке и проведении памятных мероприятий. Подобные формулировки встречаются

³⁰ Калуцков В. Н. Концептуализация географического пространства России и ближнего зарубежья (по данным о переименованиях географических объектов) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2021. Т. 85(6). С. 924–935.

³¹ Попов С. А. Героические меморативы в российском топонимиконе // Нефилология. 2021. Т. 7. № 28. С. 596–604.

³² Указ Президента РФ от 28.11.2018 № 681 «О присвоении отдельным географическим объектам имен лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. 6). Ст. 7587.

³³ O'Reilly G. The Nexus between Geographical Naming, Place, and the Politics of Power // Place Naming, Identities and Geography: Critical Perspectives in a Globalizing and Standardizing World / O'Reilly G. (ed.). Cham : Springer, 2023. P. 641–659.

³⁴ Иванова М. В., Шабалина О. В. Социально-экономические аспекты исторического освоения Кольского полуострова // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 4 (55). С. 51.

³⁵ Пашенцев Д. А. Эффективность правовых норм в обществе постмодерна // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 6. С. 22–33.

практически во всех юбилейных указах Президента РФ³⁶. Это позволяет поднять коммеморацию и глорификацию на более высокий уровень, придать им церемониально-ритуальный характер, позволяющий усилить степень мнемонического воздействия на сознание и поведение субъектов права.

В-шестых, мемориальное законодательство, эксплицируя сформированные в общественном сознании эталоны правомерного поведения, ориентируется на действия конкретных исторических личностей. Это соответствует народной эпической традиции, в которой много места уделялось именно деяниям отдельных лиц: героев, полководцев, глав государства. В традиционном обществе такие фигуры воплощают харизму, соединяют священное с мирским, устанавливают посреднический уровень между людьми и богами и олицетворяют собой коллективную идентичность. В секуляризованном обществе героические образы составляют часть гражданской религии, связанную с освоением исторического наследия предыдущих поколений. При этом подчеркивается не только выражение ими общих интересов, но и нахождение на государственной службе, что коррелирует с архетипами соборности и этатизма, лежащими в основе российской ментальности и определяющими картину мира российской цивилизации. Транслируя эту информацию в процессе социализации, государство формирует патриотическую ориентацию сознания граждан, их готовность своими действиями воспроизвести опыт предков, обеспечивших сохранение незыблемости российской цивилизации.

В-седьмых, широкое распространение фальсификации исторической правды и исторического дениализма актуализировали необходимость секьюритизации исторической памяти, которая включена в контекст обеспечения национальной безопасности. Речь при этом идет о закреплении правовыми средствами определенной интенциональности интерпретации и репрезентации образов мемориализуемых исторических личностей в публичной сфере путем нормативной артикуляции фреймов официального исторического нарратива и делегитимации и прямой криминализации исторических контрнарративов. Речь при этом идет о расширительной интерпретации мемориального законодательства в правоприменительной практике. Так, использование портретов лиц, осужденных Нюрнбергским трибуналом, в шествии Бессмертного полка в судебной практике квалифицируется как реабилитация нацизма именно из-за символического значения данных фигур, входящих в исторический контрнарратив³⁷.

Нормативно выраженный героический миф имеет дихотомичную правовую природу. С одной стороны, он эксплицирует коллективные представления о героическом прошлом. С другой стороны, он призван сконструировать фреймы исторической памяти, необходимые для поддержания гражданской идентичности и национальной безопасности. Поэтому большое внимание уделяется принципам отбора мемориализуемых исторических личностей, которые детерминированы ценностными установками политической элиты. Внешним выражением этих установок являются акты стратегического планирования, подчеркивающие значение исторической памяти как традиционной духовно-нравственной ценности в обеспечении национальной безопасности. Включению в исторический мартиролог, понимаемый как перечень номинированных в тексте законов о памяти ключевых исторических личностях, являющихся объектом коммеморации и глорификации, подлежат лишь лица, которые совершили воинский и (или) трудовой подвиг ради интересов всего общества. Однако мемориализации подлежат не только персонифицированные номинативы, но и определенные социальные группы, действия которых носили героический характер и повлияли на обеспечение национальной безопасности в прошлом. Включение имени исторической личности или неперсонифицированного мнемонического

³⁶ Указ Президента РФ от 08.11.2023 № 843 «О праздновании 225-летия со дня рождения В. И. Даля» // СЗ РФ. 2023. № 46. Ст. 8238.

³⁷ Краснова К. А. Противодействие реабилитации нацизма как одна из задач обеспечения обороноспособности и национальной безопасности Российской Федерации // Военно-юридический журнал. 2025. № 1. С. 12–15.

номинатива в текст нормативного правового акта выполняет ряд взаимосвязанных функций: мемориализация исторической личности, конституирование образа исторической личности, конструирование пространства памяти, воспитательная, организаторская, поддержание гражданской идентичности, обеспечение национальной безопасности. Эксплицированный в мемориальном законодательстве героический миф имеет большое значение для поддержания национальной безопасности и гражданской идентичности в России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Богданов А. П.* Польская кампания А. В. Суворова 1794 г.: правда и мифы // Исторический журнал: научные исследования. — 2023. — № 6. — С. 188–214.
2. *Галицкая К. А.* Политика национальной памяти как технология легитимации власти // Дискурс-Пи. — 2021. — № 1 (42). — С. 48–61.
3. *Гигаури Д. И., Гуторов В. А.* Политический миф в структуре исторической памяти // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. — 2017. — № 2. — С. 24–45.
4. *Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б.* Историческая самоидентификация России: этапы становления и современные функции // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. — 2019. — № 2. — С. 132–147.
5. *Гронский А.* Историческая политика Украины и Белоруссии и формирование образа русского полководца Александра Суворова в 2014–2020 годах // Национални интерес = National Interest. — 2022. — XVII. — Vol. 43. — С. 153–168.
6. *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог: семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблема переводимости. — М. : Наука, 1987. — С. 47–153.
7. *Иванова М. В., Шабалина О. В.* Социально-экономические аспекты исторического освоения Кольского полуострова // Север и рынок: формирование экономического порядка. — 2017. — № 4 (55). — С. 42–53.
8. *Исаев И. А.* Мифологемы закона: право и литература. — М. : Проспект, 2016. — 304 с.
9. *Калуцков В. Н.* Концептуализация географического пространства России и ближнего зарубежья (по данным о переименованиях географических объектов) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2021. — Т. 85(6). — С. 924–935.
10. *Краснова К. А.* Противодействие реабилитации нацизма как одна из задач обеспечения обороноспособности и национальной безопасности Российской Федерации // Военно-юридический журнал. — 2025. — № 01. — С. 12–15.
11. *Мороз А. Б.* Народный календарь и квазиагиография // Вопросы ономастики. — 2007. — № 4. — С. 59–66.
12. *Пашенцев Д. А.* Эффективность правовых норм в обществе постмодерна // Журнал российского права. — 2023. — Т. 27. — № 6. — С. 22–33.
13. *Подлесная М. А., Шевченко О. К., Ильина И. В.* Герои и героизм как репрезентации коллективной памяти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». — 2023. — Т. 23. — № 3. — С. 503–524.
14. *Попов С. А.* Героические меморативы в российском топонимиконе // Нефилология. — 2021. — Т. 7. — № 28. — С. 596–604.
15. *Серединская Л. А.* Героика повседневности в современном обществе: героика труда и героика войны // Известия Алтайского государственного университета. — 2012. — № 2-2(74). — С. 221–224.
16. *Тохирен А. Ш.* Интерпретация формирования исторической памяти в образе исторической личности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». — 2022. — № 11. — С. 36–42.
17. *Трофимова А. В.* Общечеловеческая и историческая семантика подвига // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 303. — С. 49–50.

18. Шатилович С. Н. Формирование патриотического сознания обучающихся на примерах трудового героизма женщин в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. — 2020. — № 1 (14). — С. 32–36.
19. Cembrzyńska P. «Pomnik nie może upamiętniać...»: O dekomunizacji przestrzeni publicznej // Historical Review = Przegląd Historyczny. — 2020. — Т. 111. — № 1. — S. 131–152.
20. Eco U. Function and Sign: Semiotics of Architecture // The City and the Sign. An Introduction to Urban Semiotics / M. Gottdiener, A. Ph. Lagopoulos (eds.). — New York : Columbia University Press, 1986. — P. 54–86.
21. Fonseca Sandoval J. D. Mitología jurídica en nuestra América: resignificar el discurso jurídico para un derecho intercultural // Revista Razón Crítica. — 2020. — No. 8. — P. 79–112. — DOI: 10.21789/25007807.1566.
22. Giesen B. Triumph and Trauma. — London ; New York : Routledge, 2004. — 196 p. — DOI: 10.4324/9781315631455.
23. Humphrey C., Laidlaw J. Sacrifice and Ritualization // Kyriakidis E. The Archaeology of Ritual. — Los Angeles : Cotsen Institute of Archaeology Press at UCLA, 2007. — P. 255–276. — DOI: 10.2307/j.ctvdjrr7s.15.
24. Inglis K. S. Entombing Unknown Soldiers: From London and Paris to Baghdad // History and Memory. — 1993. — Vol. 5. — No. 2. — P. 7–31.
25. Lethbridge S. Aesthetics of Heroism // Encyclopedia of Heroism Studies / S. T. Allison, J. K. Beggan, G. R. Goethals (eds.). — Cham : Springer, 2024. — P. 21–26. — DOI: 10.1007/978-3-031-48129-1_156.
26. O'Reilly G. The Nexus between Geographical Naming, Place, and the Politics of Power // Place Naming, Identities and Geography: Critical Perspectives in a Globalizing and Standardizing World / G. O'Reilly (ed.). — Cham : Springer, 2023. — P. 641–659. — DOI: 10.1007/978-3-031-21510-0_28.
27. The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics and Place / Rose-R. Redwood, D. E. Alderman, M. Azaryahu (eds.). — London ; New York : Routledge, 2018. — 334 p.

REFERENCES

1. Bogdanov AP. Polish campaign A.V. Suvorov 1794: truth and myths. *Historical Journal: Scientific Research*. 2023;6:188-214. (In Russ.).
2. Galitskaya KA. The policy of national memory as a technology for legitimizing power. *Discourse-Pi*. 2021;1(42):48-61. (In Russ.).
3. Gigauro DI, Gutorov VA. Political myth in the structure of historical memory. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 2017;2:24-45. (In Russ.).
4. Goncharenko LN, Avakova EB. Historical self-identification of Russia: stages of formation and modern functions. *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2019;2:132-147. (In Russ.).
5. Gronsky A. Historical policy of Ukraine and Belarus and the formation of the image of the Russian commander Alexander Suvorov in 2014–2020. *National Interest*. 2022;XVII(43):153-168. (In Russ.).
6. Zhivov VM, Uspensky BA. Tsar and God: Semiotic aspects of the sacralization of the monarch in Russia. Languages of Culture and the Problem of Translability. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).
7. Ivanova MV, Shabalina OV. Socio-economic aspects of the historical development of the Kola Peninsula. *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2017;4(55):42-53. (In Russ.).
8. Isaev IA. Mythologies of the law: law and literature. Moscow: Prospekt Publ.; 2016. (In Russ.).
9. Kalutskov VN. Conceptualization of the geographical space of Russia and neighboring countries (according to the renaming of geographical objects). *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series Geography*. 2021;85(6):924-935. (In Russ.).
10. Krasnova KA. Counteraction to the rehabilitation of Nazism as one of the tasks of ensuring the defense capability and national security of the Russian Federation. *Military Law Journal*. 2025;01:12-15. (In Russ.).

11. Moroz AB. Folk calendar and quasi-hagiography. Onomastics. 2007;4:59-66. (In Russ.).
12. Pashentsev DA. Effectiveness of legal norms in postmodern society. *Journal of Russian Law*. 2023;27(6):22-33. (In Russ.).
13. Podlesnaya MA, Shevchenko OK, Ilyina IV. Heroes and heroism as a representation of collective memory. *RUDN Journal of Sociology*. 2023;23(3):503-524. (In Russ.).
14. Popov SA. Heroic memorials in the Russian toponymicon. *Neophylogology*. 2021;7(28):596-604. (In Russ.).
15. Seredinskaya LA. The heroics of everyday life in modern society: the heroics of labor and the heroics of war. *The Altai State University Journal*. 2012;2-2(74). S. 221-224.
16. Tohirien ASH. Interpretation of the formation of historical memory in the image of a historical person. *Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*. 2022;11:36-42.
17. Trofimova AV. Universal and historical semantics of the feat. *Tomsk State University Bulletin*. 2007;303:49-50. (In Russ.).
18. Shatilovich SN. Formation of the patriotic consciousness of students on the examples of the labor heroism of women during the Great Patriotic War of 1941-1945. *The Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs (MVD) of Russia*. 2020;1(14):32-36. (In Russ.).
19. Cembrzyńska P. «Pomnik nie może upamiętniać...»: O dekomunizacji przestrzeni publicznej. *Historical Review*. 2020;111(1):131-152.
20. Eco U. Function and Sign: Semiotics of Architecture. In: Gottdiener M, Lagopoulos APH. (eds.) *The City and the Sign. An Introduction to Urban Semiotics*. New York: Columbia University Press; 1986.
21. Fonseca Sandoval J. D. Mitología jurídica en nuestra América: resignificar el discurso jurídico para un derecho intercultural. *Revista Razón Crítica*. 2020;8:79-112. (In Russ.). DOI: 10.21789/25007807.1566.
22. Giesen B. *Triumph and Trauma*. (2004). London, New York: Routledge Publ. (In Russ.). 10.4324/9781315631455.
23. Humphrey C., Laidlaw J. *Sacrifice and Ritualization*, (2007). In: Kyriakidis E. *The Archaeology of Ritual*. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology Press at UCLA; 2007. (In Russ.). DOI: 10.2307/j.ctvdjrr7s.15
24. Inglis K. S. Entombing Unknown Soldiers: From London and Paris to Baghdad. *History and Memory*. 1993;5(2):7-31.
25. Lethbridge S. Aesthetics of Heroism. In Allison S. T., Beggan J. K., Goethals G. R. (eds.) *Encyclopedia of Heroism Studies*. Cham: Springer, 2024. P. 21-26. DOI: 10.1007/978-3-031-48129-1_156.
26. O'Reilly G. The Nexus between Geographical Naming, Place, and the Politics of Power. In: O'Reilly G. (eds.) *Place Naming, Identities and Geography: Critical Perspectives in a Globalizing and Standardizing World*. Cham: Springer; 2023;641-659. DOI: 10.1007/978-3-031-21510-0_28.
27. Rose-Redwood R, Alderman DE, Azaryahu M. (eds.). *The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics and Place*. London, New York: Routledge Publ.; 2018.